

Ледяное Сердце, заметив, как Фан Цзя рвётся найти новых товарищей, сказала Ли Ли:

— Сначала проводи господина Фана в общежитие.

Тот проводил Фан Цзя в северный двор, помог устроиться, отвёл на обед, а затем — на встречу с преподавателями.

В гостиной же Ледяное Сердце продолжила беседу с Дуань Минчэнем и Гу Хуайцином. Несмотря на то что она была женщиной, говорила она легко и искусно, мастерски поддерживая разговор.

Дуань Минчэнь говорил мало, но слушал внимательно, стараясь побольше узнать об академии. Гу Хуайцин же, заинтересованный Академией Цзиньцзян, с удовольствием поддерживал беседу.

Поговорив долго, Ледяное Сердце пригласила их отобедать. Отказаться они не смогли — да и негде было на горе найти другое место, — потому приняли её приглашение.

Из-за труднодоступного расположения припасы здесь были скудными. Обед состоял из трёх лёгких блюд и супа, в основном вегетарианских — так закаляли дух учеников. Ведь, как говорится, «когда Небо возлагает на человека великую миссию, оно прежде закаляет его волю».

После трапезы Ледяное Сердце привела их в Чайный павильон, сама заварила жасминовый чай и предложила его отведать.

Пока они пили, в комнату вошёл слуга-ученик и доложил:

— Учитель, прибыла госпожа маркиза Юнъяня.

Ледяное Сердце поставила чашку.

— Пригласите госпожу в гостиную отдохнуть, я скоро буду.

Дуань Минчэнь поспешил сказать:

— Если у вас есть дела, не стесняйтесь, учитель. Мы потом сами навестим Фан Цзя.

Ледяное Сердце с лёгким сожалением ответила:

— Прошу прощения, что не могу составить вам компанию. Госпожа маркиза Юнъяня приехала навестить сына, но уроки ещё не кончились, и мне нужно её принять. После чая можете прогуляться по академии — вид с Пика Письменной Кисти того стоит.

— Прекрасная мысль, мы так и поступим.

— Тогда я вынуждена вас покинуть. Моя служанка Цзяньцзя будет вашим проводником. — Ледяное Сердце указала на миниатюрную служанку позади себя. — Цзяньцзя с детства при мне, мы как сёстры, и она прекрасно знает академию. Если что-то понадобится, просто скажите ей.

Ещё раз извинившись, Ледяное Сердце оставила с гостями Цзяньцзю и отправилась в гостиную к маркизе.

Гу Хуайцин смотрел на её стройную спину и думал, что учитель Ледяное Сердце и вправду искусна в обхождении: её манеры и умение вести себя были безупречны, от неё веяло теплом. Непростая женщина! И если даже такая высокомерная столичная аристократка, как маркиза Юньань, снизошла до визита в академию, значит, Ледяное Сердце пользовалась большим уважением среди знати.

Цзяньцзя с улыбкой обратилась к Дуань Минчэню и Гу Хуайцину:

— Господа, после чая показать вам академию?

— Благодарим, — ответили они в один голос.

Цзяньцзя, как и следовало ожидать от выученицы Ледяного Сердца, знала Академию Цзиньцзян как свои пять пальцев. Проводя Дуань Минчэня и Гу Хуайцина по территории, она подробно рассказывала о её устройстве.

Академия занимала огромную, в тысячу му, территорию. Снаружи она выглядела скромно, но внутри скрывалось целое царство. Архитектура была простой и изящной: зелёный кирпич, белые стены, красная глазурованная черепица. Всё здесь дышало древней учёностью, настраивая на возвышенный лад.

Выйдя из восточного двора для гостей, они оказались перед чистым изумрудным прудом — Прудом Тысячи Лотосов. Это было естественное глубокое озеро, собранное водопадом с вершины горы, неправильной прямоугольной формы. Основатель академии проявил недюжинную смекалку: засадил озеро лотосами, возвёл павильоны, беседки и многоярусные строения, обложил берега яшмой, посадил плакучие ивы, а вокруг пруда проложил галереи и крытые переходы.

Из общежития Юэвэй вела тропинка к островку в центре озера. Островков было два. На одном, под названием Сад Благоухающего Снега, стоял Павильон Сердечной Воды, а вокруг — причудливые камни и редкие цветы, образующие живописную картину. На другом высилось многоэтажное здание — Павильон Тяньи, хранивший десять тысяч свитков, среди которых было множество уникальных и редких экземпляров.

Вся академия была построена вокруг Пруда Тысячи Лотосов и делилась на четыре двора: восточный, западный, южный и северный. В южном, у главных ворот, находились передний и задний залы. В восточном размещались гостиная и Чайный павильон — места для приёма гостей. В западном, где учителя и ученики собирались для дискуссий и лекций, стояли Зал Лицзэ, Зал Июн и другие аудитории. В северном, под названием Общежитие Юэвэй, жили ученики и преподаватели. Ещё севернее лежал просторный плац для занятий верховой ездой и стрельбой.

Они шли вдоль пруда по крытым галереям от восточного двора к западному.

Как раз шёл урок, и ученики находились в Зале Июн, откуда доносились голоса.

Цзяньцзя поднесла палец к губам, затем провела их к задней двери аудитории, и они заглянули внутрь.

Ученики в белых халатах с чёрной оторочкой сидели на полу, образуя круг. В центре восседал учитель. На нём были учёная шапочка, плащ-накидка из журавлиных перьев, высокая шапка и широкий пояс — выглядел он свободно и непринуждённо, напоминая знаменитых учёных эпох Вэй и Цзинь.

Цзяньцзя тихо пояснила:

— Это учитель Гуань Синь, преподаёт классику.

Дуань Минчэнь удивился:

— Не тот ли это Гуань Синь, что сдал все три уровня экзаменов с первого раза, а потом бросил службу и ушёл?

— Именно он, — с гордостью ответила Цзяньцзя.

И её гордость была понятна — слава Гуань Синя гремела по всей стране.

Выходец из знатной семьи с юга, Гуань Синь с детства проявлял необычайные способности, запоминая текст с одного прочтения. Впервые участвуя в государственных экзаменах, он прошёл все три уровня подряд. Его экзаменационное сочинение сверкало жемчужинами — многие великие учёные, прочитав его, поражались, как можно за столь короткое время создать столь блистательный текст.

На императорском экзамене Гуань Синь тоже отвечал находчиво и красноречиво, и покойный император назвал его «нефритом из райского сада». Не достигнув и двадцати лет, он вошёл в Академию Ханьлинь, а затем получил должность чиновника. Однако чиновничья среда оказалась тёмной — одного таланта для успеха было мало. Напротив, слава Гуань Синя лишь вызывала зависть и интриги. Вскоре он возненавидел чиновничьи дрызги, бросил печать и ушёл со службы. Этот случай наделал много шума: одни говорили, что он заносчив и высокомерен, другие же восхищались его свободолобием, сравнивая с древним поэтом Тао Юаньмином, не склонившим головы ради пяти мер риса.

Оставив службу, Гуань Синь целиком посвятил себя учёным изысканиям и написанию книг. Хотя он жил в уединении и не искал славы, среди учёных его репутация лишь росла. Неизвестно, каким образом Академии Цзиньцзян удалось привлечь такого современного корифея, как Гуань Синь. Неудивительно, что академия пользовалась такой славой и все стремились в неё попасть.

Постояв и понаблюдав, Гу Хуайцин и Дуань Минчэнь поняли, что это не обычный урок, а дискуссия: ученики свободно задавали вопросы, учитель отвечал, а остальные могли участвовать в обсуждении. Слышались горячие споры, цитаты из классиков — стоял невероятный ажиотаж.

Гу Хуайцин очень удивился. Он-то думал, что в академиях ученики монотонно бубнят «чжи ху е чжэ» или тихо корпят над книгами. Почему же здесь шумно, как на рынке?

Цзяньцзя, заметив его недоумение, объяснила:

— Это особенность обучения в Академии Цзиньцзян. Ученики, которые сюда поступают, уже имеют базу — как минимум, степень сюоя. Четырехкнижие, Пятикнижие и другие конфуцианские каноны они уже выучили назубок. Здесь же они в основном обмениваются знаниями, а учителя помогают разобраться в сложных вопросах. Зачастую истина рождается именно в спорах.

Гу Хуайцин задумчиво кивнул:

— Такой подход действительно свеж и интересен.

Дуань Минчэнь подхватил:

— Говорят, дискуссии в Академии Цзиньцзян очень знамениты. Пятьдесят лет назад великий учёный, академик Лю Цинси специально приехал из Фучжоу, чтобы поспорить с здешним учителем, известным эрудитом Чжу Шанем. Они три дня не сходили с трибуны в этом самом Зале Июн, обменивались стихами и сочинили более ста поэм, многие из которых стали классикой. Тогда набралось более пятисот учеников-слушателей, и все были в полном восторге.

Гу Хуайцин с благоговейным вздохом сказал:

— Да, это, должно быть, был пир литературы, равного которому не было ни до, ни после!

— Верно! — улыбнулась Цзяньцзя. — Диалог двух великих литераторов до сих пор волнует сердца! Говорят, в Зале Лицзэ яблоку негде было упасть, а некоторые, не желая уходить, даже спали тут на полу, постелив циновки!

Гу Хуайцин оглядел Дуань Минчэня и с усмешкой сказал:

— О, господин Дуань, сколько же вы всего знаете! Такой учёный муж — почему же вы не пошли по литературной стезе, не стали сдавать экзамены?

<http://bllate.org/book/16283/1467027>